

Серия
«Антология мысли»

1921—2006

М. С. Каган

Человек в теории
культуры.
Избранные труды

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 091(075.8)
ББК 130.2я73
К12

Автор:

Каган Моисей Самойлович — профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Каган, М. С.

К12 Человек в теории культуры. Избранные труды : учеб. пособие для вузов / М. С. Каган. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 195 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-06180-2

Каган — специалист в области философии и истории культуры, который на протяжении полувека издал множество публикаций и трудов по теории и истории искусства, а также по теории и истории культуры.

В первом разделе книги рассматривается человек как главный предмет теории культуры: методологические проблемы изучения человека, целостность человека в системе деятельности, гуманизм на рубеже веков и другие вопросы. Во втором разделе поднимается проблема философско-культурологического основания педагогики: о воспитании как специфической деятельности, о роли искусства, культурология детства, педагогические проблемы воспроизводства российской интеллигенции и другие вопросы.

Для студентов высших учебных заведений, а также для всех интересующихся вопросами теории культуры и философии.

УДК 091(075.8)
ББК 130.2я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-06180-2

© Каган Ю. О., наследница, 2018
© Оформление. ООО «Издательство Юрайт», 2019

Содержание

Раздел I ЧЕЛОВЕК КАК ГЛАВНЫЙ ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Человек как субъект общения (1979)	9
Формирование личности как синергетический процесс (2003)	21
Человек как проблема современной философии (2002)	36
И вновь о сущности человека... (2001)	42
Целостность человека как философская проблема (1985)	59
Человеческий фактор развития общества и общественный фактор развития человека (1987)	62
Гуманизм как проблема научной философской антропологии (1997)... ..	77
Проблема человека в истории марксистской философии (1991)	83
Проблема поколения в истории культуры (1996)	93

Раздел II ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕДАГОГИКИ

О воспитании как специфической социальной деятельности и о роли искусства в нем (1982).....	99
Образование, воспитание, культура (1995)	106
Образованные люди с большой совестью (1996)	110
Российская школа на рубеже веков (1999).....	113
Культурология детства в философско-педагогическом контексте (2004).....	125
Педагогические проблемы воспроизводства российской интеллигенции (2000)	129
Конфессиональная дивергенция, буддизм и перспективы духовной интеграции человечества (2000).....	153
Чтение как феномен культуры (1997)	155
Не могу молчать... (2002)	170

Эстетическое сознание как феномен культуры (1989)	174
О месте искусства в жизни школы (1992)	180
Новые издания по дисциплине «Философия» и смежным дисциплинам	191

Раздел I
ЧЕЛОВЕК
КАК ГЛАВНЫЙ
ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ
КУЛЬТУРЫ

Человек как субъект общения (1979)

1.

На протяжении двух последних десятилетий в работах Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалева, А. А. Брудного, А. А. Ветрова, и С. Кветного, И. С. Кона, А. А. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Б. Д. Парыгина, Ю. С. Степанова проблема общения была подвергнута разностороннему рассмотрению — психологическому, социальнопсихологическому, социологическому, этическому, лингвистическому, семиотическому. Постепенно выкристаллизовывался и специфически философский подход к проблеме, хотя существо его понимается пока что далеко не одинаково.¹ Особенно важно поэтому внимательно рассмотреть, как понималось общение в домарксистской философии и какой смысл вложили в это понятие классики марксизма.

Понятие «общение» (*Verkehr*) встречается уже в немецкой классической философии XVIII — начала XIX в.², но даже у Л. Фейербаха оно еще не получило категориального значения; правда, русскому читателю может казаться, что Л. Фейербах понимал связь «Я» и «Ты» как общение, однако это заблуждение, основанное на неточностях перевода: там, где в русском тексте «Основных положений философии будущего» мы встречаем понятие «общение»³, в оригинале употреблен отнюдь не термин *Verkehr*, а либо слово *Gemeinschaft*, означающее «общность», либо выражение «*Mensch mit Mensch*»⁴, т.е. «человек с человеком». Эти терминологические тонкости чрезвычайно существенны, так как формулировки отражают здесь самую суть Дела. Действительно, Л. Фейербах ставит не проблему общения людей, а лишь проблему их общности, ибо для него единение «Я» и «Ты» основано не на их реальной

¹ Соковнин В. М. О природе человеческого общения, 2-е изд. Фрунзе, 1974; Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. — М., 1978; Каган М. С. 1) Опыт системного анализа человеческой деятельности. — Философские науки, 1970, № 5; 2) Человеческая деятельность (опыт системного анализа). — М., 1974; 3) Общение как философская проблема. — Философские науки, 1975, № 5; Каган М. С., Хмелев А. М. Опыт аксиоматического построения теории деятельности. — В кн.: Понятие деятельности в философской науке. — Томск, 1978.

² Этимологический словарь братьев Гримм приводит ряд соответствующих примеров из работ Канта, Гердера, Гёте (см.: *Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm*. Bd. XII, Abt. I, S. 625—626.

³ Фейербах Л. Избр. соч., в 2 т., т. 1. — М., 1965. — С. 203.

⁴ Feuerbach L. *Kleinere Schriften*. Berlin, 1970, Bd. II, S. 339.— примечательно, что в 42-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в заметках последнего цитирующего данное рассуждение Л. Фейербаха, перевод: сказано не «общение», а «общность» (с. 343).

практической деятельности, которой и является общение, а на их природной связи. Вспомним, что именно сюда была направлена первая критическая стрела «Тезисов о Л. Фейербахе» К. Маркса; у Л. Фейербаха «предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹; и далее К. Маркс подчеркивал — это нам сейчас особенно важно отметить! — что у Л. Фейербаха «человеческая сущность может рассматриваться только как “род”, как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только природными узами»².

Именно потому, что связь между людьми понималась Л. Фейербахом как «немая всеобщность», а не продукт их материальной и духовной «самодетельности» (показательно, что К. Маркс и Ф. Энгельс часто употребляют именно этот термин «самодетельность»³), ему оказалось ненужным понятие «общение»; К. Марксу же оно было с самого начала необходимо. Это кардинальное различие позиций подчеркивал и Ф. Энгельс; в заметке о Л. Фейербахе, относящейся к периоду подготовки работы над «Немецкой идеологией», он писал: «...что вообще люди с самого начала, с тех пор как они существуют, нуждались друг в друге и только благодаря этому могли развивать свои потребности и способности и т.д., что они вступили в общение», — все это Фейербах выражает таким образом, что «отдельный человек сам по себе не обладает в себе сущностью человека», что «сущность человека заключается только в общности, в единстве человека с человеком...» и т.д.⁴ Позднее Ф. Энгельс снова указывал: «.. чтобы перейти от фейербаховского абстрактного человека к действительным, живым людям, необходимо было изучать этих людей в их исторических действиях»⁵.

Хотя у К. Маркса и Ф. Энгельса понятие «общение» встречается и в ранних работах, категориальное значение оно получило только в «Немецкой идеологии». Здесь было показано, что в человеческом обществе материальное производство «предполагает *общение* (*Verkehr*) индивидов между собой» и что «форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством»⁶. С тех пор К. Маркс постоянно пользовался данным понятием и производным от него понятием *Verkehrsverhältnisse*, т.е. «отношения общения»⁷. Совершенно неосновательно потому распространенное в литературе мнение, будто

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3. — С. 1.

² Там же. — С. 3.

³ См., напр., там же. — С. 72.

⁴ Там же, т. 42. — С. 342—343.

⁵ Там же, т. 21. — С. 299.

⁶ Там же, т. 3. — С. 19.

⁷ См., напр.: Marx K., Engels F. Werke, Bd. 23, S. 12; Bd. 24, S. 119. — К сожалению, во многих случаях термин *Verkehr* переводился словом «обмен», что явно неверно (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6; т. 24, с. 132; т. 27, с. 402). *Обмен* всегда определяется К. Марксом термином *Austausch*, обозначающим вещественные отношения ➔

понятие «общение» было в «Немецкой идеологии» лишь первоначальным, неточным вариантом понятия «производственные отношения»¹. О том, сколь различен смысл этих понятий, свидетельствует то, что К. Маркс часто — в том числе и в «Капитале» — пользовался выражением «производственные отношения и отношения общения»; точно так же рассуждал В. И. Ленин. «Вступая в общение, — писал он, — люди... не осознают того, какие общественные отношения при этом складываются...»². Уже из приведенных суждений видно, что для классиков, марксизма общение — не чисто психологический, не чисто нравственный и не чисто коммуникативный феномен, а *самым широким образом понимаемое взаимодействие людей*, которое проявляется прежде всего в практике материального производства как «материальное общение», а затем и как вырастающее на этой основе «духовное общение»³. Классики марксизма считали, что общение может быть не только «прямым», но и «косвенным»⁴, что оно может быть взаимоотношением не только индивидов, но и социальных групп⁵. Короче говоря, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин исходили из того, что общение людей лежит в *самом фундаменте* общественного бытия и общественной организации, и соотносили его с понятием «производство»: последнее обозначало всю продуктивную деятельность людей, а «общение» — их взаимодействие в процессах материального и: духовного производства⁶. Значение разработки философской теории общения связано с тем, что все его частнонаучные трактовки, безусловно необходимые для разностороннего изучения данного общественного явления, не могут быть признаны достаточными, так как каждая из них способна раскрыть только ту или иную его сторону; между тем существует

⇒ людей» тогда как «общение» не имеет вещественного характера. Вообще говоря, «общение» — это философская категория, а «обмен» — экономическая.

¹ См., напр., комментарии к т. 3 соч. К. Маркса и Ф. Энгельса. — С. 590—591. Критику этих взглядов см. в указанной монографии В. М. Соковнина. — С. 72 и сл.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 343.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. — С. 24, 26, 35; т. 27. — С. 402—403. К сожалению, в переводе французского письма К. Маркса П. В. Анненкову понятие *commerce* переведено опятьтаки неправильно — то как «обмен», то как «сношения», хотя автор письма специально подчеркнул: «Я употребляю здесь слово “commerce” в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово “Verkehr”» (там же, с. 403).

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. — С. 440.

⁵ См. там же. — С. 20, 34.

⁶ Никак нельзя поэтому согласиться с той интерпретацией соотношения понятий «общение» и «общественные отношения», которую предложила Л. Буева, полемизируя с автором этих строк: не общение вырастает «на основе» общественных отношений (указ. соч., с. 115), а эти последние объективно складываются в ходе реального общения людей. Общение не сводится к «межличностным» контактам, детерминируемым характером общественных отношений (там же, с. 116—117); такое представление психологизирует и этизирует общение, против чего сама Л. П. Буева решительно возражает. Общение не есть нечто отличное от общественных отношений, оно само является общественным отношением — вспомним Марксово понятие «отношения производства и общения».

потребность и в *целостном* понимании общения, а оно доступно лишь философскому анализу.

Выявление отношения философского подхода к подходам частнонаучным становится особенно важным в наше время, в связи с развитием комплексных, междисциплинарных исследований. Такие исследования не слишком плодотворны до тех пор, пока разные науки работают параллельно, без взаимного соприкосновения и сопряжения; однако комплексное изучение проблемы становится весьма эффективным, как только группа наук, атакующих общий объект познания, начинает действовать по единой методологической программе. Тут-то выясняется особая роль философии, ибо:

1) философия является единственной наукой, которая способна создать теоретическую модель изучаемого предмета в его целостности, т.е. в закономерностях его строения, функционирования и развития, исходя из определения места этого предмета в природной и социальной реальности;

2) решение этой задачи открывает философии возможность выступить методологическим координатором познавательных усилий всех конкретных наук, каждая из которых изучает какой-то один аспект целостного бытия данного объекта;

3) сконструированную ею исходную модель объекта как целого философия проверяет и уточняет, обращаясь к результатам его исследования конкретными науками и интегрируя эти результаты, так как знание строения предмета позволяет ей эффективно сопрягать научные данные о различных компонентах, гранях, аспектах его существования, функционирования и развития (скажем, данные психологических, социологических, семиотических и иных исследований);

4) свойственное философии единство познавательной и идеологической функций позволяет ей раскрывать мировоззренческое значение каждой рассматриваемой проблемы.

Подходя с этой точки зрения к проблеме человеческого общения, мы должны, следовательно, прежде всего установить, что же оно собой представляет как *целостное социокультурное явление* и каково его внутреннее «устройство». Самое общее философское определение взаимодействующих в обществе активных «единиц», будь то отдельные индивидуумы либо те или иные социальные группы, — это определение их как *субъектов*. Субъекты направляют свою активность на практическое и духовное овладение объектами, и в этом процессе они необходимо вступают друг с другом во взаимодействие, т.е. в *общение*. Таким образом, общение оказывается необходимым и специфическим видом человеческой деятельности, выражающим *взаимодействие* субъекта с субъектом¹. Речь идет, разумеется, не об узкогносеологическом понимании

¹ Такое понимание проблемы, обоснованное нами в монографии «Человеческая деятельность» (М., 1974), вызвало у некоторых ученых возражения, касающиеся и правомерности описания деятельности в системе субъектно-объектных отношений, и правомерности рассмотрения общения в качестве особого вида человеческой деятельности. ➔

субъекта, которое может соотносить его только с познаваемым объектом, а о широком философском понимании субъекта как *носителя активности, целепологания, сознания и самосознания, свободы*, которое лежит в основе философского анализа *всей* практической и духовной активности человека и которое позволяет выявить отношения субъекта и к миру объектов, и к другим субъектам.

Какова же структура взаимодействия субъектов, обуславливающая системный характер комплексного научного исследования человеческого общения?

1. Поскольку взаимодействие людей как субъектов удовлетворяет не биологические, а социокультурные потребности, оно стимулируется психологически и реализуется поведенчески; с другой стороны, поскольку в общении участвуют и индивидуумы, и социальные группы, постольку психологические механизмы общения должны изучаться *общей и социальной психологией*, а формы поведения, в которых выражается общение, — *этикой и социологией* (первой, рассматривающей межличностное общение, а второй — взаимодействие родоплеменных групп, наций, партий, классов).

2. Поскольку способы социокультурного взаимодействия людей являются не врожденными, а осваиваются индивидом в ходе онтоге-

☞ Соображения наших оппонентов трудно, однако, признать убедительными; в самом деле, основательно ли утверждение Л. П. Буевой, что «отношения между человеком и предметом в процессе общественной и индивидуальной деятельности не могут быть сведены к субъектно-объектному взаимодействию», поскольку «в качестве наиболее общих элементов деятельности М. С. Каган выделяет субъекта, объект и активность», но при этом «остается неясным», как быть с орудиями и средствами деятельности (указ. соч., с. 74)? Нам представляется очевидным, что орудия эти — такие же объекты, как и те, на которые орудия воздействуют, и что выделение орудий в ряду элементов деятельности ничего не может изменить в общем ее понимании как субъектно-объектного отношения. Если для конкретно-социологического, социально-психологического или общепсихологического подходов носитель деятельности предстает в качестве индивидуума или личности — таким его и «берет» Л. П. Буева, то для философского, философско-социологического подходов он является именно субъектом деятельности (как тут не вспомнить постановку вопроса в первом из тезисов К. Маркса о Л. Фейербахе?). Далее, разве тот несомненный факт, что общение есть «непременный атрибут всякой человеческой деятельности» (см.: Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. — М., 1977, с. 35), означает, что научный анализ не должен выделять этот атрибут и исследовать его специфические свойства и функции? С другой стороны, разве столь же несомненное отличие общения как связи субъекта с субъектом от других видов человеческой деятельности как отношений субъекта и объекта влечет за собой необходимость вывести общение за пределы деятельности (см.: Ломов Б. Ф. 1) Общение как проблема общей психологии. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975; 2) Психологические проблемы социальной регуляции поведения. — М., 1976. — С. 73—74; Буева Л. П. Указ. соч. — С. 110 и сл.)? Общение имманентно деятельности потому, что оно есть деятельностная форма проявления активности человека и не только отличается от других ее видов, но сближается с ними единым сущностным признаком — выражением активности человека как субъекта.

Двуединое направление этой активности — на объекты и на других субъектов — может быть рассмотрено в свете принципа дополнительности, решение этой задачи выходит за пределы настоящей статьи.

неза, в процессе воспитания, постольку общение входит в сферу интересов педагогической науки.

3. Поскольку, далее, взаимодействие субъектов выражается в обмене определенной информацией и требует взаимопонимания, постольку еще две отрасли знания вступают в круг наук, изучающих общение, — *теория информации и семиотика*; задача первой (в том, например, виде, в каком она предстает в «качественной теории информации» М. Мазура¹) состоит в выявлении специфических качеств той информации, которая циркулирует в системе общения, а задача второй — изучение специфических средств общения, особых знаковых систем, «языков», к помощи которых прибегают общающиеся субъекты.

4. Поскольку и содержание и формы общения людей социокультурно детерминированы, постольку оно становится предметом изучения еще двух наук — *этнографии*, рассматривающей многообразие этнических форм общения, и *культурологии*, способной и призванной показать закономерные исторические изменения в характере общения, детерминированные развитием культуры.

Мы видим, что если изучение общения не может быть привилегией, как нередко полагают, социальной психологии, или этики, или психолингвистики, то оно не может быть и простым параллельным движением этих — и каких-либо иных — наук; понимание целостности общения требует организации его комплексного научного исследования, и тут-то обнаруживается специфическая позиция и методологическая роль философии, для которой общение есть *сложноорганизованная целостность, единое в его разносторонности системное явление — деятельность субъекта, ориентированная на другого субъекта и использующая те или иные объекты как свои средства, орудия, инструменты*.

Человек есть субъект общения. Этот тезис означает, что на биологическом уровне, в жизнедеятельности животных мы еще не встречаемся с общением в прямом, строгом смысле этого слова, как не встречаемся с субъектными качествами в их развитом виде, хотя формы связи и взаимодействия животных весьма близки к формам человеческого общения и этологи все чаще выявляют и изучают эту близость².

Мы сталкиваемся здесь с серьезной методологической проблемой, корни которой уходят в общее понимание соотношения биологического и социального. Методологическая история научной мысли знает две крайности, в равной мере метафизические по своей сути: *абсолютный разрыв* биологической и социальной форм активности и их *отождествление*. Совершенно очевидно, что марксистской философской мысли одинаково чужды и теологическая концепция внебиологического происхождения человека и позитивистская редукция социокультурного к биофизиологическому; задача заключается в том, чтобы выявить

¹ См.: Мазур М. Качественная теория информации. — М., 1974.

² См., напр., чрезвычайно интересное исследование ученика К. Лоренца В. Виклера: Wickler W. Die Biologie der zehn Gebote. — München, 1971.

генетическую связь разных уровней исторического развития активности живых систем и качественные отличия одного уровня от другого.

В этом свете нам представляется неправомерным употребление таких понятий, как «общение животных» или «социобиология»¹, которые в лучшем случае влекут за собой неосознанную антропоморфизацию биологических форм поведения, а в худшем — выражают принципиальную позитивистски-редукционистскую установку на отождествление социокультурного и биогенетического типов активности (в последние годы подобный подход приобрел на Западе большую популярность, доходя до стирания всяких граней между этикой и этологией, аргументируемого, в частности, тем, что... название этих наук происходит от одного корня). Те формы коммуникации, которые существуют в мире животных, организуя их совместные, коллективные действия, нельзя квалифицировать как общение по той же причине, по какой животное нельзя рассматривать в качестве субъекта действия; животное можно квалифицировать лишь как «протосубъекта», а взаимодействие животных — как «протообщение», как зачаточную форму общения в собственном смысле слова². Сама потребность в общении как связи субъекта с субъектом складывается, укрепляется и развивается — как в филогенезе, так и в онтогенезе — в ходе формирования субъектных, т.е. сверхбиологических, качеств человека. Мы имеем в виду то отношение к другому, как к себе подобному, как к равному себе, как к своему alter ego, которое К. Маркс определил, как превращение одного человека в «величайшее богатство» для другого³. Именно здесь философский анализ способен раскрыть глубинное своеобразие общения как вида человеческой деятельности и тем самым отличие *общения от коммуникации*.

Обычно эти термины употребляются как синонимы, и автор этих строк следовал данной традиции, ставя знак равенства между «общением» и «коммуникативной деятельностью»⁴. Между тем анализ системы субъектно-объектных отношений показывает, что в ней воз-

¹ См., напр.: Панов Е. Н. Общение в мире животных. — М., 1970; Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. — М., 1976; Wilson E. O. Sociobiology. The new synthesis. Cambridge (Mass.) and London, 1976.

² Весьма показательно, что хотя К. Р. Мегрелидзе пользуется выражением «общение животных», общение людей он должен был назвать «действительным общением», чтобы подчеркнуть их принципиальное различие; здесь сказалось то же терминологическое противоречие, что и с употреблением понятия «субъект»; с одной стороны, К. Р. Мегрелидзе говорит о «биологическом субъекте», а с другой — он блестяще показал, что все собственно субъектные качества человека — сознание, целеполагание, воля, общественная жизнь — у животного либо отсутствуют, либо обнаруживаются в зачаточном состоянии (Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. — Тбилиси, 1973. — С. 55, 100 и др.).

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. — С. 119.

⁴ См. название соответствующего параграфа в книге «Человеческая деятельность». — С. 80. — Это обуславливалось главным образом соображениями удобства, так как от слова «общение» нельзя образовать прилагательное, подобное слову «коммуникативная».

можны две различные формы связи: в одном случае человек передает некую информацию другому (другим), рассчитывая на то, что данное сообщение должно быть принято, правильно понято, усвоено и соответствующим образом реализовано; совершенно очевидно, что только отправляющий является в этой коммуникативной цепи субъектом, а получатель сообщения выступает здесь всего лишь как объект (потому-то им может быть и человек, и техническое устройство, и животное — коммуникативный акт как таковой имеет место во всех этих ситуациях); иное дело — связь человека с человеком (или группы с группой) как субъекта с субъектом же: здесь оба участника процесса общения равны, оба активны и не просто обмениваются информацией (или деятельностью, к чему сводит общение Л. П. Буева¹), но ориентируются на то, что партнер — не простой адресат или послушный исполнитель, но свободный интерпретатор, соавтор совместно вырабатываемой и объединяющей обеих информации или участник совместного действия в труде, на войне, в спорте, в быту... Общение — это действительное отношение одного Я к другому Я, в результате которого возникает новая система — общность, Мы.

Передача сообщений имеет монологическую структуру, если воспользоваться излюбленной терминологией выдающегося советского литературоведа и эстетика М. М. Бахтина, а общение — диалогическую. Диалог же есть нечто принципиально иное, чем обмен монологами. Послание, которое один участник диалога направляет другому, адресуется получателю как активному и равному партнеру, как «второму я» отправителя, и поэтому должно быть по самому своему содержанию отличным от того послания, которое передается в случае простого сообщения. Последнее имеет безличный, имперсональный, объективный характер типа: «Сумма двух смежных углов равна...» (научное сообщение); «выступить в поход в такое-то время таким-то силами в таком-то направлении...» (сообщение-приказ); «при включении газового отопления необходимо...» (сообщение-инструкция); «это произошло в 23.00 по московскому времени...» (сообщение-документация) и т.д. и т.п. Что же касается послания, передаваемого в процессе общения, то именно в силу того, что оно адресуется субъектом субъекту, оно должно быть интимно-личностным, доверительным, обращенным к этому партнеру и ни к кому другому, ибо если между разными объектами как объектами принципиальных различий нет, то субъект всегда уникален. Поэтому информация, адресованная данным уникальным субъектом другому уникальному субъекту, — особая, уникальная же информация. Наиболее точное ее название — *исповедь*, ибо это выражение того, что происходит внутри субъекта, в его душе, в его сознании и самосознании. В извращенной форме общения — религии — исповедь адресовалась богу, непосредственно в акте молитвы или через посредство его представителя — священника; в чисто человеческой — межлич-

¹ Буева Л. П. Указ. соч. — С. 110.

ностной — форме общения исповедь адресуется другу, т.е. свободно избранному тобою другому субъекту. Цель такого исповедального послания — дать другу достовернейшее знание о себе самом, о том, что никто, кроме тебя, знать не может и что поэтому открывает твое истинное «я». Вместе с тем такое послание рассчитано не на простое его усвоение получателем, запоминание или исполнение, как это имеет место при передаче сообщений, а на ответную исповедь, ответное признание, ответное самораскрытие.. Поэтому результат общения оказывается радикально отличным от результата простой коммуникации: последняя увеличивает количество информации у получателя сообщения и ничего не меняет у отправителя, общение же ведет к возникновению новой степени общности у партнеров благодаря более глубокому и верному познанию каждым другого и познанию самого себя через свое отражение в другом.

Несомненно, что коммуникация как форма информационной связи живых существ возникает уже на биологическом уровне, имеет свою зоопсихологическую (инстинктивную) мотивацию, свои средства (так называемые «языки» животных), свои цели (размножение, выращивание потомства, организация коллективных действий в охоте, строительстве, обороне и т.п.); однако такая коммуникация является не общением, а сообщением чего-то кому-то, и только у человека, становящегося субъектом и обретающего способность видеть в других себе подобных, т.е. субъектов, коммуникация подымается на уровень межсубъектного взаимодействия — общения. При этом «площадь» сферы общения оказывается социально-исторически детерминированной и изменчивой: скажем, раб для рабовладельца или крепостной для помещика был не равноправным субъектом, а объектом-вещью, которому нужно было передавать необходимые сообщения (и получать их от него), но с которым невозможно вступать в общение; с другой стороны, в современном обществе отношения людей в определенных ситуациях ограничиваются исполнением их ролевых функций, предполагающих отношение к другому и даже к самому себе как к объекту, а не субъекту, и тут снова возможна лишь передача сообщений (или обмен сообщениями), но не общение. Разумеется, различие между субъектом и объектом в этом случае относительно и текуче — один человек для другого и один класс для другого класса не может быть «чистым» субъектом или «чистым» объектом, речь идет лишь о *доминантном отношении*, которое и определяет, имеем мы в данном случае дело с общением или с простым коммуникативным актом.

Если в этом отношении коммуникация шире, чем общение, то в ином отношении общение шире коммуникации — последняя является информационной связью, тогда как общение связывает людей и передаваемой информацией, и практическими действиями в труде, спорте, быту и т.п.

5. Определение общения как *межсубъектного взаимодействия* важно, в частности, потому, что относится и к связям индивидуумов,

личностей, и к контактам разного масштаба социальных групп — от семьи, отряда, команды до племени, нации, класса. У Л. Фейербаха, как и у И. Фихте или М. Штирнера, да и у всех представителей буржуазной философии XX века, рассматривающих проблему общения, оно ограничивается рамками чисто духовного взаимоотношения индивидов¹. Что же касается К. Маркса и Ф. Энгельса, то они решительно отвергли представление, будто люди способны общаться «между собой только как индивиды», ибо «в рамках разделения труда личные отношения необходимо, неизбежно развиваются в классовые отношения и закрепляются как таковые...». Люди, разъясняли они эту мысль, всегда «вступали в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство потребности, то именно личное, индивидуальное отношение видов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения. Они вступали в общение друг с другом в качестве того, чем они были, они исходили “из себя”, какими они были независимо от своего “жизнепонимания”... Отсюда, понятно, следует, что развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении...²». Позднее, в рукописи «Критика политической экономии» К. Маркс писал, что хотя взаимоотношения людей в докапиталистических формациях и кажутся более личными, чем в буржуазном обществе, они «вступают друг с другом в общение только как индивиды в той или иной [социальной] определенности, как феодал и вассал, помещик и крепостной и т.д., или как члены касты и т.д., или как члены какого-либо сословия и т.д.»³. Речь, как видим, идет о том, что межличностное общение оказывается в глубинной своей сути и детерминированности *общением социальных групп*, к которым принадлежат общающиеся личности, — классов, каст, сословий, а еще раньше — родоплеменных групп, общин. Так индивидуальное общение оборачивается сверхиндивидуальным, и через общение личностей в общение вступают группы людей, классы, нации, поколения. Но общение социальных групп может осуществляться и как *собственно групповое* взаимодействие, как взаимодействие *коллективов*: это выражается и в непосредственных контактах различ-

¹ Вот весьма типичная для современной буржуазной философии постановка вопроса у К. Ясперса: «Общение возникает между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранить свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение. Я не могу ведь быть самим собой, не вступая в общение, не будучи уединенным. При любом снятии уединенности общением вырастает новая уединенность, которая не может исчезнуть без того, чтобы я не перестал быть условием общения». — Цит. по: Junghänel G. Über den Begriff der Kommunikation bei Karl Jaspers. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1961, № 4. — S. 478.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. — С. 438—440.

³ Там же, т. 46, ч. 1. — С. 106—107.

ных микрогрупп (семей, пионерских отрядов, спортивных команд), и во взаимоотношениях макрогрупп (наций, классов, партий), даже если они, не имея возможности реально вступать в контакт во всем своем составе, общаются через полномочных представителей (лидеров, послов, делегатские микрогруппы). В подобных случаях общение, например, руководителей политических партий или дипломатов является не личностным, а функционально-ролевым, независимым от того, как данные люди друг к другу относятся в качестве конкретных личностей; следовательно, фактически общаются здесь не субъекты-личности, а субъекты-партии. Вот почему В. И. Ленин мог говорить о необходимости «установить общение между городом и деревней», «установить общение между рабочими города и работниками деревни», разъясняя, что под «общением» он имеет в виду «форму товарищества»¹ целых социальных групп.

Как видим, товарищество, дружба — эта высшая форма межличностного общения — может характеризовать и отношения социальных групп. Поэтому существенной проблемой теории общения являются не только взаимоотношения индивидов, но и взаимодействие социально-групповых субъектов, которое мы обозначаем в таких понятиях, как «дружба народов», «дружественные классы», «дружеские отношения между коммунистическими партиями». В основном Законе нашей страны — в Конституции СССР — дружба наций и народностей СССР рассматривается как принцип и форма их взаимоотношений, а «забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех», т.е. любовь человека к человеку, — как «закон жизни» социалистического общества.

Так выясняется, что понятия «любовь» и «дружба», в свое время незаслуженно отвергнутые нашей философией и переданные ею этике, психологии, педагогике, имеют в действительности и глубочайший философский смысл. Ограниченность фейербахианства (как и толстовства или шеллерианства) заключалась в абстрактно-гуманистической трактовке любви и дружбы и в идеалистическом толковании их роли в социальном развитии, марксистская же философская теория общения призвана разработать их диалектико-материалистическую и историко-материалистическую интерпретацию.

Если классово-антагонистическое общество предельно сужает границы человеческого общения, ибо эксплуатируемые классы являются для эксплуататоров объектами, а не равноправными субъектами, а одна личность для другой становится орудием, предметом, жертвой, т.е. опять-таки *десубъективированным объектом*, то величайшей целью коммунизма является, по выражению основоположников марксизма, «производство самой формы общения»², ибо этот социальный строй призван сделать *истинно человеческими* связи между людьми как

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45. — С. 367.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. — С. 70.